

Публикации аспирантов

УДК 821.161.1

Бабицына Н.Н.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ КАК ВЫРАЗИТЕЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ ЕСЕНИНА

N. Babitsina

A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow

THE LYRICAL HERO EVOLUTION IN THE WORKS OF YESENIN AS AN EXPRESSION OF THE RUSSIAN NATIONAL CHARACTER

Аннотация. Творчество Есенина раскрывает национальное сознание русского народа. Периодизация творчества представляет собой последовательную смену форм выражения поэтического «я»: от «смирненного инока», пророка «Третьего завета», романтического бунтаря, поэта-хулигана до «Пушкина XX века», в чем и проявляется национальный характер лирического героя Есенина.

Национальное своеобразие русского народа обусловлено амбивалентностью его души, что определяет и эволюцию лирического героя, который прошел путь от цельного православного вероисповедания через отклонение от нормы к возвращению к прежним идеалам, но на более высоком уровне их восприятия и осуществления. Лирический герой Есенина выражает созерцательность и софийность народного мироощущения, эсхатологическое и мессианское сознание, соборное мышление, жажду духовного обогащения. Отличительными чертами характера являются милосердие, совестливость, искренность, стихийность.

Ключевые слова: православие, национальное, амбивалентность, эволюция, лирический герой, литературная маска.

Abstract. Works of Yesenin reveal the “national mind” of the Russian people. The temporal spread of his work represents the consecutive change in expression of his poetical “me” forms: from “humble monk”, “The Third Testament” prophet, romantic rebel, poet-bully, to 20th century Pushkin, and it is in these traits that Yesenin’s lyrical hero finds his national character.

The national distinctiveness of the Russian people is a result of the ambivalence of its soul, which determines the evolution of the lyrical hero, who traversed the path from being a devoted orthodox by walking away from his beliefs, to finally coming back to his original beliefs, but at a higher level of its understanding and practice. The lyrical hero of Yesenin incarnates the meditateness and wisdom of the people, their eschatological and messianic consciousness, their clerical mentality, their thirst for further spiritual enlightenment. Clemency, tenderness, honesty, and spontaneity are his distinctive character traits.

Key words: Orthodoxy, national character, ambivalence, evolution, lyric hero, literature mask.

Народность творчества писателя или поэта определяется не только способностью автора создавать в художественном произведении национальные характеры и типажи, но и его талантом выражать мироощущение народа, особенности национального сознания и понимания национальной действительности. Русская классическая литература открыла миру душу своего народа, и наследию Есенина принадлежит в этом немалая заслуга. Однако образ лирического героя как выразителя национальной самобытности пока не получил глубокой и всесторонней разработки. Попытаемся выяснить, в какой степени лирический герой Есенина

воплощает русский национальный характер, предстает ли он в развитии или статичен. Важно понять, проявляет он отдельные черты или воплощает все многообразие национального менталитета, выявляя его тонкости и штрихи.

Необходимость разобраться в этой проблеме требует обращения к вопросу о сущности национального характера, который является внутренне обусловленной структурой. Национальное своеобразие русских определяется «двоецентрием» коллективной души, которое обуславливает не только разнообразие национальных типов, но и «объясняет природу исторического движения, драму расколов, кризисов и самую возможность развития» [17, с. 386] русского человека и общества. Амбивалентность национального характера является ключевым моментом в раскрытии эволюции характера лирического героя Есенина.

В настоящее время в есениноведении сложился ряд подходов к рассмотрению периодизации творчества Есенина. Опираясь на исследования А.Н. Захарова, Н.И. Шубниковой-Гусевой, О.Е. Вороновой, С.Н. Пяткин убедительно доказывает, что авторский житнетекст Есенина строится как последовательная смена форм выражения поэтического «я»: от «смирненного инока» (в поэзии 1914-1916 гг.), до «пророка «Третьего завета» (поэзия 1917-1921гг.), романтического бунтаря, поэта-хулигана (1920-1921 гг.) и, наконец, в последний период творчества - «Пушкина XX века» [13, с. 42]. Рассмотрение национального характера лирического героя и его эволюции в контексте предложенной смены образов представляется нам наиболее продуктивным.

Есенин входит в литературу в образе «тихого отрока», «смирненного инока». Лирический герой ощущает жизнь как радостное служение Богу, непрестанную литургию и славословие земной красоте [4, с. 80-105]. Любуясь каждым проявлением земного бытия, герой видит в нем отражение божественной сущности, угадывает в зримом чудесное и стремится его познать: *Кто-то в солнечной*

сермяге/На осленке рыжем едет./Прядь волос нежней кудели,/Но лицо его туманно./Никнут сосны, никнут ели/И кричат ему: «Осанна!» [7, с. 55]. Устремления лирического героя ориентированы не на переживание и рефлекссию своего внутреннего мира, его пытливый взор прозревает глубины окружающего пространства. Вглядываясь в обычные для сельского жителя явления и предметы, он «раздвигает зрение над словом», «создает мир воздуха из предметов земных вещей». В этой замороженности пространством, которую испытывает лирический герой, раскрывается одно из основных качеств национального мироощущения – созерцательность мировосприятия. Вслед за богословами александрийской школы (Св. Василий Великий, Григорий Богослов) русский человек видит в «самых малых вещах мудрость Зиждителя» [19, с. 67], а созданный Богом мир видимый отражает в его понимании «красоту и согласие...Божией Премудрости и Силы» [19, с. 99]. Ощущая предстоящий ему мир как «значную» систему, в которой земное является символическим раскрытием небесного, а нетленная красота тварного мира обнаруживает «идеальное» в человеке и его бытии, лирический герой выражает свойственный национальному мироощущению «принцип двойного зрения»: *Между сосен, между елок,/Меж берез кудрявых бус,/Под венком, в кольце иголок, /Мне мерещится Иисус* [7, с. 56].

В сознании крестьянина закреплено чувство родственности неокружающим миром, но и космосом. Жизнь со сложившимся бытом является закономерным продолжением вселенского, которое не кажется ему чуждым и холодным: *Не гнетет немая млечность,/Не тревожит звездный страх./Полюбил я мир и вечность,/Как родительский очаг./Все в них благостно и свято,/Все тревожное светло...* [7, с. 85]. Лирический герой так же, как и крестьянин, воспринимает и осмысливает многообразие жизни эмоциями, чувствами, впечатлениями; «напоенным сердцем взглядом».

В устремлении лирического героя «к небесному, вечному» (П. Сакулин), которое

находится в неразрывном единстве с природно-бытийственным началом, раскрывается софийность народного сознания. Она выражается в желании русского человека быть приобщенным к сущности Божественного начала земли и связана с символикой материнского покрова Богородицы: *Я поверил от рождения/В Богородицын покров* [7, с. 57]. Нерасторжимость космологического, религиозного и социального пластов материнского начала раскрывают женственность русской религиозности [2, с. 234] и характеризуют национальный тип мышления: *О Мать Божья,/Спади звездой/На бездорожье в овраг глухой./Пролей, как масло,/Власа луны/В мужичьи ясли/Моей страны* [7, с. 119]. В образе Богородицы «не юном, не старом, словно безвременном, как на православной иконе», русский народ «чтит небесную красоту материнства» [18, с. 49]. Поэтому и земля, пронизанная Богородичной сущностью, осмысливается им как заступница, подательница благополучия, утешительница. Покров Богоматери, на который уповает русский человек, переносится и на сущность матери-земли, которой так же, как и Пречистой Деве, «можно каяться в грехах» [18, с. 75]: *И часто я в вечерней мгле,/Под звон надломленной осоки,/Молюсь дымящейся земле/О невозвратных и далеких* [7, с. 71]. Потребность в явственном ощущении «ласковых рук» Богородицы, которая, оберегая своими заботами земную Русь, отдает людям самую главную свою ценность – Бога-сына, отражает крестьянскую философию.

Естественным продолжением отношения лирического героя к миру как «царству космических тайн» является формирование этической системы, которая пронизывала крестьянское общество. Сращение понятий «красоты» и «добра», приводит человека к осознанию того, что только законы добра, милосердия и любви могут скрепить хрупкий мир людей: *Кто-то учит нас и просит/Постигать и мерить./Не губить пришли мы в мире,/А любить и верить!* [8, с. 29]. Именно эти ценности легли в основу поведенческого комплекса русского человека, которого отличают спокойствие и умиротворение, мяг-

кость, терпимость, благодушие, дар «вчувствования».

Но главной, определяющей нормативный каркас идеалов, смыслообразующей духовной основой жизни для славян является православие. Ф.М. Достоевский, указывая на то, что «все народные начала у нас сплошь вышли из православия» [6, с. 202], акцентировал внимание на «бессознательном» знании Христа русским народом. Русский человек, восприняв всем сердцем Евангелие, увидел не столько Христа-Сына человеческого, сколько принял его Божественную сущность. Ему оказался необходим Христос, который, «будучи образом Божиим... уничтожил Себя Самого..., сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил себя» (Послание апостола Павла. Филипп. 2: 6-7). Поэтому, перенося скорби и тяготы жизни с терпением и кротостью, русский человек идет путем «Кроткого Спаса», тем самым приближаясь к нему. Лирический герой возносит «благословенное страданье» своего народа на самый высокий пьедестал, выявляя его духовную и культурную ценность, которая заключается в смирении сердца: *Твой глас незримый, как дым в избе./Смиренным сердцем молюсь тебе./Овсяным ликом питаю дух,/Помощник жизни и тихий друг.../Но краше кротость и стихший пыл/Склонивших веки пред звоном крыл* [7, с. 102]. Так же, как и русский народ, лирический герой «в своей религиозности живет со Христом страдающим. Это Русский Христос, такой близкий к скудному русскому пейзажу, неприглядным серым деревням, пьяной, больной, разоренной России. Это Христос – друг грешников, убогих немощных, нищих духом» [19, 657] раскрывает национальный идеал: *И в каждом страннике убогом/Я выznавать пойду с тоской,/Не Помазуемый ли Богом,/Стучит берестяной клюкой* [7, с. 44]. Ожидание лирическим героем «светлого гостя», стремление узнать его неповторимый образ в череде встречающихся лиц сформировало бессознательную способность русского человека к милосердию и состраданию ближнему, в том числе, и к преступникам – «несчастливым» (Ф. Достоевский). *Все они убийцы*

или воры, как судил им рок./Полюбил я грустные их взоры/С впадинами щек./Много зла от радости в убийцах,/Их сердца просты./Но кривятся в почернелых лицах/Голубые рты [7, с. 68-69]. В «зачарованности всем смиренным, униженным, падшим» [3, с. 439] кроется глубокое религиозное убеждение русского человека о всеобщей греховности людей. В народном понимании в низости мира виноваты все, значит, никто не застрахован от падения. Не отвергает для себя такой возможности и лирический герой Есенина: *И меня по ветряному свею,/По тому ль песку,/Поведут с веревкою на шею/Полюбить тоску...* [7, с. 69]. Сознание народа цельно: закон не разделяет мира и преступника, каждый ответственен за всех, – в этой направленности раскрывается соборное мышление русского народа, воспитанное православной духовностью и объединяющее крестьянский мир: *Знаю, мать-земля черница,/Все мы тесная родня* [7, с. 98].

Полнота народного мироощущения выражается в «сосредоточенности русского человека на идее Царства Божия и абсолютного совершенства в нем, что в свою очередь определяет в русском народе непрестанное чаяние Града Небесного» [11, с. 41]. Выработанное веками отношение к миру как «деликатное терпение гостя», стало стержнем мироощущения лирического героя как носителя «социального архетипа» (К. Касьянова) нации. Русский человек не может и не хочет довольствоваться только земным бытием, несмотря на то что наполненная Святым Духом жизнь в сознании народа и лирического героя благословенна: *Все встречаю, все приемлю,/Рад и счастлив душу вынуть./Я пришел на эту землю,/Чтоб скорей ее покинуть* [7, с. 39]. Тоска о неведомом обусловили в русском народе жажду духовного обогащения, стремление к полноте восприятия Христа, что выразилось в таком характерном русском явлении, как странничество. В «беспокойном и мятежном русском скитальчестве» как «явлении глубоко национальном» [1, с. 303] раскрывается святое беспокойство, поиски «небывалой, несбыточной святости в потонувшем Китеже» [18, с. 237]. Не случайно и очень показатель-

но, что лирический герой периода 1914-1917 гг. предстает в образе «странника убогого».

В образе лирического героя пророка «Третьего завета» раскрывается исторически сформированная в характере русского человека обусловленность располагать свои идеалы в той или иной крайности и развиваться в метании от одной к другой. Податливость русского характера, способность и потребность увлекаться, свойственные ей «сентиментальные иллюзии», «тяга к индивидуализации» (И. Ильин) стали причиной смены духовных ориентиров в миропонимании лирического героя. В маске нескованного жизненными обстоятельствами дерзющего скитальца и бродяги проявляются подспудно существующие, осознаваемые и ощущаемые деструктивные стихии: *Не ищи меня ты в Боге,/Не зови любить и жить.../Я пойду по той дороге/Буйну голову сложить* [9, с. 120-121]. В попытке создания лирическим героем новой онтологии бытия раскрывается вырвавшаяся из рамок волевой сосредоточенности и самоограничения стихийность русской души, которая приводит человека к отвержению окружающего и отрицанию Истины. Последней стадией этого развития стало богоборчество лирического героя. Важно, что цикл произведений «необиблейского» эпоса и лирики революционных лет 1917-1919 гг. является «глубоко национальным по духу» [4, с. 361]. В стремлении лирического героя изменить мир, в нарастании преобразенческих идей выражается «русское мессианское сознание и его метаморфозы во время революции» [15, с. 110]. Здесь воплотилась вера народа в особое духовное и историческое призвание России, где место внешней пассивности восприятия мира занимает преобразовательная активность людей: *Плечью трясем мы небо,/Руками зыбим мрак/И в тощий колос хлеба/Вдыхаем звездный знак* [8, с. 42]. Масштабы чаемых изменений, которыми мыслит лирический герой, расширяемые до уровня вселенной, также раскрывают особенности национального мышления, которое в наиболее важные моменты истории оперирует космическими категориями, не

довольствуясь индивидуальными нуждами и потребностями. Сознание лирического героя развивается в рамках православного религиозного мышления: только через очищение (в купели русской революции) возможно обретение новой богооткровенной истины. Лирический герой демонстрирует свойственную русскому человеку способность вмещать в себя все многообразие отношения к миру, при этом обнаруживает неспособность отделить главное от второстепенного, что приводит к обострению проблемы «веры и безверия». Подтверждая размышления Ф.М. Достоевского о способности русского характера ввергаться в «круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения» [6, с. 33], лирический герой в своем «падении роковым» доходит до кощунства и нигилизма, что позволяет увидеть таящуюся в национальном характере «потребность отрицания всего, самой главной святыни сердца своего,...перед которой сейчас лишь благоговел и которая вдруг как будто стала ему невыносимым каким-то бременем» [6, с. 33]: *Я иное постиг ученье/Прободающих вечность звезд.../Проклинаю дыхание Китежа/И все лоцины его дорог* [8, с. 61-62].

«Маленькие поэмы» 1917-1919 гг. отражают эсхатологичность национального мышления. «Апокалиптические взрывы», волнообразно накрывающие Россию, выявляют внутреннюю нацеленность народа не на завоевание лучшего и устранение мешающего, а на возвращение к прежним ценностным ориентирам... обращению к «естественной модели своей культуры» [10,136].

Важнейшим моментом для понимания сущности национального характера является вопрос нравственных идеалов и ориентиров русского человека, устойчивость и непоколебимость которых раскрывается в образе лирического героя 1919-1920 годов. Пережив «в бытовых подробностях и мистических прозрениях трагедию русской души» [14, с. 13], ощутив бесплодность пережитых надежд и иллюзорность планов, он вновь впадает в крайность: надевает маску поэта-хулигана, который протестует против действительности

и бежит от нее. Лирический герой переживает драму «русской крестьянско-христианской души, из которой было грубо вынута божественное и святое, оскорблен, раздавлен ее освященный быт...» [15, с. 131]. Образ хулигана не случаен, он «глубоко укоренен в субстанциональной структуре русского национального характера» [4, с. 374], в нем сплелись «неизъяснимая душевная неудовлетворенность» (Е. Аничков), сами хулиганские выходки и то лирическое переживание этих пластов, которое ощущает в себе герой.

В маске хулигана-юродивого, он пытается высказать неприятие и отрицание «перевернутой» реальности, в которой живет: *Нет, уж лучше мне не смотреть./Чтобы вдруг не увидеть хужего./Я на эту ржавую мреть/Буду щурить глаза и суживать* [7, с. 159]. Выходом из этого круговорота духовных испытаний стала ориентация на свойственную крестьянскому мироощущению неразрывную связь с сущностью российского бытия, сакральным и профанным его миром.

Следующий этап биографии лирического героя отражает свойственную русскому человеку стремительность дойти «до последней черты, то есть когда уже идти больше некуда» и с «жаждою самосохранения и покаяния спасти себя самого» [6, с. 33]. Не случайно, творчество Есенина 1923-1925 годов открывает перед нами преображенный образ лирического героя. В маске «бывшего хулигана», «мечтающего стать певцом новой России», исповедуясь перед «обществом» глубоко и искренне, он раскрывает особенности национального самосознания. Совесть, сохраненная героем в бурных перипетиях истории, сожаление о содеянном, попытка разобратся в допущенных ошибках сливаются «в типично русские ноты раскаяния» (А. Блок): *Был я весь, как запущенный сад,/Был на женщин и зелье падкий* [7, с. 187]. Привитое русскому народу христианской культурой понимание жизни как несения своего креста, извилистости этих дорог, где неизбежны «внутренние кризисы, провалы, шатания», сформировало мирозерцание, где самокритика и самоосуждение стали отличительной

чертой русской нации. «Нет народа, который до такой бы степени любил бы ругать себя, изобличать себя, смеяться над собой», – писал об этом философ Б. Вышеславцев [5, с. 115]. Искренность и сердечность, неподдельность, «настоящность» в проявлении своих чувств и задушевность, которые проявляет лирический герой, характеризуют его как «русского человека в полной мере» [12, с. 30].

Путь, который проходит лирический герой, от стремления к высоким идеалам через разочарование и духовный кризис к восстановлению и обновлению душевного уклада, является закономерным для развития внутреннего мира русского. Православная антропология рассматривает человека как свободную личность, которая или идет к Богу, или удаляется от него. Поэтому взлеты и падения духа свойственны каждому верующему. Глубоко укорененное в русском народе «сердечное знание Христа» является той самой силой, идеей, которая в конечном итоге держит народ, определяет вектор его развития: *Ты прости, что я в Бога не верую-/Я молюсь ему по ночам./Так мне нужно. И нужно молиться* [9, с. 280-281].

Подводя итоги, отметим, что образ лирического героя в творчестве Есенина эволюционирует, тем самым реализуя и развивая доминанты национального характера. Ведущим фактором развития национального характера является православное исповедание христианской веры, которое имеет свои специфические особенности и реализуется в его русском варианте – народном христианстве в разных плоскостях: мировоззренческом комплексе, нравственно-этическом (поведенческом), эстетическом. Лирический герой Есенина выражает созерцательность и софийность народного мироощущения, эсхатологическое и мессианское сознание, соборное мышление, жажду духовного обогащения. Милосердие, совесть, искренность, стихийность раскрывают национальное своеобразие его характера.

В связи с вышесказанным эволюция национального характера в поэзии Есенина видится нам следующим образом: от цельного

православного вероисповедания через отклонение от нормы (грехопадение) к возвращению к прежним идеалам, но на более высоком уровне их восприятия и осуществления.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея: Сб. статей. – М.: Республика, 1992. – 496 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. – М.: «Сварог и К», 1997. – 540 с.
3. Вейдле В. Еще о «русской душе» // Современные записки. – Париж, 1939. – № 68. – С. 439.
4. Воронова О.Е. С. Есенин и русская духовная культура. – Рязань: Узорочь, 2002. – 520 с.
5. Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 115.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – СПб.: Лениздат, 1999. – 527 с.
7. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. – Т. 1. ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука: Голос, 1995. 2001.
8. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: Т. 2.
9. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: Т. 4.
10. Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Ин-т нац. модели экономики, 1994. – 367 с.
11. Лосский Н. О. Характер русского народа. – М.: «ДАРЪ», 2005. – 336 с.
12. Мамлеев Ю.В. Духовный смысл поэзии Есенина // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сборник. – Вып. III. – М.: Наследие, 1997. – 528 с.
13. Пяткин С.Н. Пушкин в художественном сознании Есенина. – Арзамас: АГАПИ, 2007. – 367 с.
14. Русское зарубежье о Есенине: в 2 т. Т.1: Воспоминания / вступ.ст., сост., коммент. Н.И. Шубникова-Гусева. – М.: «Инкон», 1993. – 328 с.
15. Семенова С. Русская поэзия и проза 1920-1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – 590 с.
16. Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Русская идея: Сб. статей. – М.: Республика, 1992. – 496 с.
17. Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская духовная вера по народным стихам. – М.: Прогресс: Гнозис, 1991. – 186 с.
18. Федотов Г.П. Святые Древней Руси (X-XVII вв.). – М.: Моск. рабочий, 1990. – 269 с.
19. Флоренский П.А. Православие: Очерки учения православной церкви. – Париж, 1989.
20. Флоровский Г.В. Восточные отцы 4 века. – Париж, 1931. Репринтное издание Париж, 1990.